

Голос поколения: поиск имени

В московском издательстве «Русский Гулливер» вышла книга избранных стихотворений Народного поэта КР, профессора, заведующего Отделом перевода и переводоведения Института русского языка КРСУ Вячеслава Шаповалова «Безымянное имя».

В 2015 году в телепередаче, посвященной международной Русской премии за книгу «Евроазис» Вячеслав Шаповалов говорил о том, что это его последний сборник, и более книг издавать он не будет. «Лукавит», – подумал я тогда о своем Учителе – и, как оказалось, был прав. Не вынесла душа поэта, и он выстрадал, высказал книгу избранных стихов за XXI век – «Безымянное имя» – свое поэтическое оправдание за то, что мы поколение, «что отворяем себя пред небесной чертой».

Книга вышла в элитном издательстве «Русский Гулливер», она замечена международной критикой и уже начала свой путь к читателям в разных странах мира.

В предисловии к книге стихов известный современный российский эссеист, искусствовед Вера Калмыкова пишет: «Гражданская лирика – а русский поэт Вячеслав Шаповалов тяготеет к этому жанру – больше других областей поэзии кажется переводимой на язык прозы». Социальные строки-мазки штрихами выстраивают трагическую геополитическую и этнографическую историю человечества, видимую поэтом, прожившим «у чужого алтаря, меж двух чужбин». Поэтому, как признается в итоге автор предисловия, «масштаб, не представимый в ином жанре, оправдан направленностью лирики – при ближайшем вчитывании никак не гражданской, но философской...»

Историзм лирического повествования пронизывает усиливающееся трагическое мироощущение: был некогда «золотой век», а ныне «безымянное имя» мира. Парадоксальное название книги напоминает о том, что всегда и везде искусство, поэзия – мучительный поиск имени для мира, который своего истинного имени не обрел. Узнать имя двоимирия – примирить с душой ностальгию по утраченной родине, которой, кажется, и не было, по семейному гнезду, из которого некогда так хотелось вылететь, а теперь уж его не обрести... Ностальгия по безвозвратно утерянным культуре и языку – основной пафос книг Вячеслава Шаповалова, изданных в XXI веке.

В совместной вступительной статье наставников – Чингиза Айтматова и Семена Липкина – к двухтомному изданию избранных произведений Шаповалова (еще в 2003 году) не случайно отмечается: «Сегодня говорить об этой книге – значит говорить обо всей поэзии Вячеслава Шаповалова, настолько точно он нанес на белый лист под одной обложкой всю линию своей поэтической жизни. Эта книга о нем, но куда больше – о беззащитном старении культуры XX века. И то, что поэзия

зия наполнена реалиями совершенно иного мира, упрямого за высокими горами, еще более резко оттеняет ее смыслы: наверное, это своеобразный плач по культуре».

Трудно не процитировать хотя бы некоторые из многочисленных и единодушных отзывов крупнейших поэтов и критиков России, Запада, Центральной Азии о своем товарище – одном из значительных русских поэтов начала XXI века.

«...Киргизия – это и родина, и, в то же время, осколок Большой Родины, – замечает известный писатель и литературовед Евгений Абдуллаев (Узбекистан) в рецензии на книгу, за

которую Вячеслав Шаповалов был удостоен Русской премии. – С одной стороны – «бездомный имперский язык»... «Осень окрестных гор и скудных чужих долин» – и «колодец, хутор отдаленный, отечество на дне страны»... В этой двоящей оптике – так же, как в несовпадении прошлого и настоящего – еще одна точка боли, нерв поэзии Шаповалова».

«Зрелые, мужественные, богатые стихи – и интонацией, и эрудицией, и неповторимым чувством обитания в мировой культуре, включающей – в силу особенностей биографии – не только Запад, но и Восток, да и то не простой Восток, а зачастую совет-

ский, среднеазиатский. Занятно, что «лирики» в твоих стихах мало, это скорее «мелика» – один из немногих терминов, которые я с юности помню. Во всяком случае, лирическое «мы» (голос поколения) в них явно преобладает над лирическим «я». Эти слова принадлежат крупнейшему сегодня поэту русского мира Бахыту Кенжееву (Нью-Йорк).

Художественный мир Вячеслава Шаповалова амбивалентен и противоречив, в основе его лежит внутренний конфликт многих нравственных, культурных и эстетических начал, его поэзия интертекстуальна, поскольку впитала в себя традиции мировой литературы, прежде всего западноевропейской, русской и тюркоязычной, и вместе с тем глубоко индивидуализирована, выражает драматизм мироощущения поэта, творящего на стыке этносоциальных культур (Восток и Запад; Россия и Кыргызстан) и разломе эпох. Лирический герой путешествует по карте мира, оставляя (например, цикл «В ожидании варваров») поэтические картины: «Турин, улица Советского Союза», «Антикварный рынок в Экс-ан-Провансе», «Ницца, бульвар «Прогулки англичан», «Лестница в Каннах», «Казино в Монте-Карло», «Одиночество в Марселе», «Художники Монмартра». Однако перед читателем предстают отнюдь не путевые заметки, но культурологиче-

ские картины, сопрягающие историю и современность. И вновь слышится обращение уже к мировой традиционной культуре, чужеродность и трагедийная обреченность становятся пафосом программного видения мира: «Что ты рвешься к скифам, Геродот! Дома те же скифы... Меркнет юрта врезанная в склон, прозреваем ложь своей любви...»

«...Поэт мощного дыхания. Даже его лирические стихи дышат масштабом эпического размаха, а в целом он, несомненно, тяготеет к эпосу, что проявляется в поэтике, в самой системе художественного мышления. В его поле поэтического зрения – огромные пространства и времена... Богатый словарь, широкий диапазон живой речи – от просторечья до высокого слога – создают стилистическую свободу и силу словоупотребления, подкрепленные разнообразием свежей и острой рифмы. Живая русская речь, сдобренная ветрами восточной поэзии, способствует впечатляющему эффекту его творческого облика. Шаповалов – один из самых ярких и оригинальных русских поэтов нашей современности» – так утверждает живущий в Мюнхене Даниил Чкония, один из руководителей журнала «Эмигрантская лира», выходящего в Бельгии.

Вот что пишет автору при вручении ему Международной премии Русского ПЕН-центра одна из значительнейших современных поэтесс и лидеров литературного процесса России Марина Кудимова: «Редчайшее сегодня явление гармонии и трагедии в одном слове. «Русских азиатков», хранителей и ревнителей двух культур, остались считанные единицы, и вы – первый среди равных. Я всегда читала эту традицию и любила стихи В. Державина. С. Маркова, «азиатские» поэмы В. Луговского и, разумеется, П. Васильева, с которым нахожу у вас много общего. Только вы, в силу обстоятельств, гораздо зреее и умеете обуздывать и подчинять стиховую стихию. Я уверена, ваш читатель жив, даже если пока не знает, чего лишен!»

Американец Лев Ленчик (Флорида, США) посвятил младшему современнику одно из своих последних писем: «Книга – нечто большое, цельное, глубоко пережитое и очень искреннее. Если бы не явная эпическая форма, можно было бы сказать исповедальное. Но и так: исповедальный эпос, тем более, что и эпос-то такой своеобразный, лирический! До сих пор казалось (по памяти о нашей юности или потому, что других книг не читал), что сила Шаповалова – это, прежде всего, поэтика, блеск и великолепие поэтической фактуры. А здесь я, по сути, впервые увидел, как автор со всей силой, со всей мощью и виртуозностью своего сугубо поэтического дара преподнес нам целый пласт едва ли не самых важных переживаний – явный синтез судьбы и истории, трагедию человека и мира. И кто знает, может быть, всего нашего поколения».

За всем этим, перелистывая триста с лишним страниц значительного поэтического тома с загадочным названием «Безымянное имя», понимаешь, что в долгой истории русской поэзии Кыргызстана, да и всей Центральной Азии, не было поэтической, лирической энциклопедии наших поколений. Что ж тут скажешь: автор – Вячеслав Шаповалов – народный поэт нашей страны, выразитель наших более и радостей, так что с него и спрос!

БАХТИЯР КОЙЧУЕВ,
доктор филологических наук

